

Сердце химеры

Автор:

Анна Данилова

Сердце химеры

Анна Данилова

Когда-то в трех квартирах на одной лестничной площадке жила большая семья. Потом она переехала, жилплощадь купили другие люди, не подозревавшие, что все три квартиры связаны потайными дверями... Да полно, потайными ли? Или новые жильцы только делают вид, что живут сами по себе, а на самом деле, прячась друг от друга, проникают в чужие жилища, ведя незаметную слежку за соседями? И причиной всему – страсть: жгучая, пряная, мучительная неразделенная любовь, соединяющая в трагический любовный треугольник сорокалетнего мужчину, юную девушку и зрелую женщину...

Анна Данилова

Сердце химеры

1

«Ее убили 27 сентября. Выстрелом в голову, вернее, в шею, в горло... Преступник промахнулся, целясь, вероятно, в висок...

Убили мою любовь, мою жизнь, мою Лору. Ее окровавленное тело нашли прямо во дворе дома, где жили ее родители и где так часто любила бывать она сама. Ночной прохожий наткнулся на нее, прикрытую мягкими осенними листьями... Была ночь, во дворе дома не горел ни один фонарь. Прохожий, как он после скажет, словно почувствовал что-то нехорошее, и сердце защемило...

Утром меня арестовали, вернее, задержали по подозрению в убийстве. По той лишь причине, что перед смертью Лора позвонила мне, а я ответил ей. Но разве этого достаточно, чтобы обвинить меня в столь тяжком преступлении? И разве только у меня была причина ее убивать?

Они позвонили ранним утром ко мне в дверь и потребовали, чтобы я пошел с ними. Как это ни странно, разговор происходил на кухне в квартире Лориных родителей. Это ли не насмешка судьбы? В квартире, где мне был знаком каждый предмет, каждая вещь... Отвечая на вопросы, я то и дело посматривал на дверь, ожидая, что вот-вот на пороге появится Лора, в своем коротеньком розовом халатике, и лицо ее при виде меня если не просияет, то, во всяком случае, примет удивительно-радостное выражение. Она всегда радовалась моему приходу. Если, конечно, знала, что я пришел. В те часы и минуты, что я проводил здесь, когда никто не знал об этом, мысли ее были заняты кем угодно, но только не мной. Лора была замужем и имела двух любовников (официальных). И я сделал все возможное и невозможное, чтобы всегда быть с ней рядом, чтобы быть в курсе ее бурной личной жизни, чтобы пропитаться всеми ее мыслями, чувствами, желаниями, проблемами, радостями и печалью...

Конечно, любой поступок, любую фантазию зрелого мужчины можно опознать парой фраз, это так, и я это отлично понимаю. И сказать с уверенностью, что то чувство, что я питал к Лоре, было настоящей, возвышенной любовью, тоже сложно. Просто она была мне интересна, я получал удовольствие, наблюдая за ее жизнью, подслушивая все ее многочисленные и многочасовые телефонные разговоры, проникая в ход ее мыслей и пытаясь понять ее сущность.

Знал ли я, что когда-нибудь напишу о ней? Конечно, знал. Я и записывал время от времени свои впечатления от увиденного и услышанного, вернее даже сказать – от подсмотренного и подслушанного, собирая материал для романа... Но не предполагал, что полная картина ее молодой жизни сложится в стройный сюжет лишь после ее смерти и что именно ее смерть даст мне возможность наконец в полной мере насладиться своим творчеством, дать волю своей

фантазии, эмоциям и смелым, даже дерзким суждениям. Я, мужчина, решил посягнуть на невозможное – понять внутренний мир молодой женщины...»

2

«– Ваша фамилия?

– Казанский. Михаил Львович.

– По паспорту вы – Михаэль.

– Да, это правда. Михаэль – любимое имя моей матери...

– Послушайте, я не спрашиваю, кому пришло в голову назвать вас таким странным именем... Я только спросил вашу фамилию.

– Казанский...

– Я понял. Кем вы приходились Ларисе Ступниковой?

– Никем. Точнее, я был ее соседом. И даже не ее соседом, а соседом ее родителей, Ступниковых.

– Если вы ей никем не приходились, то почему же перед тем, как ее убили, буквально за несколько минут, она звонила именно вам, а не своему мужу, к примеру?

– Этого я не знаю. Как не знаю и того, когда именно, в котором часу была убита Лора.

– Она была убита вчера ночью, около одиннадцати часов вечера. Вам же она позвонила в половине одиннадцатого. И вы с ней разговаривали, я смотрел время и продолжительность звонка...

- Так я и не скрываю.
- Зачем она вам звонила, неужели вам не понятен мой вопрос?!!
- Она позвонила, чтобы попросить у меня денег, сказала, ей срочно нужно.
- А не сказала зачем?
- Ей всегда были нужны деньги... На разные женские мелочи. У нее не было больших проблем, которые требовали бы крупных сумм... Да и долгов у нее тоже не было. И, насколько я знаю, ее никто не шантажировал. Ее звонок был обычный, понимаете? И ничего из ряда вон в нем не было...
- Она часто просила у вас денег?
- Не часто, но иногда...
- Она возвращала вам долги?
- Безусловно.
- Вам сколько лет, Казанский?
- Сорок пять.
- Ларисе Ступниковой было двадцать пять. Скажите прямо - вы были с ней любовниками?
- Нет.
- Какие отношения были между вами, помимо соседских?
- Можно сказать, дружеские... Я знал ее еще школьницей... Ее родители могут это подтвердить.
- А что вы можете рассказать о ее муже?

– Муж как муж. Слабый, безвольный, предрасположенный к суициду молодой человек с параноидальными склонностями... Ему всегда казалось, что Лора от него уходит...

– А что было на самом деле?

– Не знаю. Просто как-то она пожаловалась мне на то, что Гора ревнует ее ко всем подряд...

– Как вы думаете, он мог ее убить?

– Я не думал об этом.

– Лариса Ступникова была убита в квартире своих родителей...

– Как это?.. Ее же нашли во дворе...

– Выстрел был произведен в спальне... То есть получается, что она была дома у родителей, но они были в театре, это проверено... Дверь квартиры была заперта изнутри, но потом кто-то пришел, кому Лариса открыла дверь, и после того, как в нее выстрелили, она была еще жива... И это удивительно, что после такого тяжелого ранения она была в состоянии каким-то образом выбраться из дома... Кровь хлестала фонтаном, вся лестница в крови... Я думаю, что ее убили вы, Михаил, Михаэль... Да у вас на лице написано, что вы виноваты, жаль, что здесь нет зеркала...

Зеркало... Кажется, она говорила что-то о зеркале...

– Почему именно я?

– Да потому, что больше никому, понятно? Родители были в театре, муж – в командировке.

Мне казалось, что именно в ту минуту я был склонен к убийству. К убийству этого следователя, который смотрел на меня, как на преступника, и молот

самую настоящую чушь. Да, родители Лоры действительно могли быть в театре, хотя театралами они никогда не были, и вообще это были совершенно заурядные, скучные и неинтересные люди. Но они предъявили следователю билеты на «Травиату». Аля, вернее, Алла Николаевна, опухшая от слез, не своим голосом рассказывала, о чем была эта опера. «О падшей женщине, которая полюбила...» Ее муж, отец Лоры, Валерий Сергеевич, лишь поддакивал. Аля призналась, икая от плача, что он спал во время спектакля, даже похрапывал и что зрители в соседнем ряду сделали ему замечание. Мне же сама мысль о том, что родителям Лоры требуется алиби, казалась чудовищной, нелепой. Лора была их единственным ребенком, любимой дочерью, и смысл всей их жизни заключался именно в ней. Лора была плодом их любви, и получилась красивой, с сильным характером, своенравной, ни на кого не похожей.

Почему следователь решил, что ее убил я? Следователь явно не психолог. Он просто идиот. И он ничего не знал ни о моей жизни, ни о нашей с Лорой жизни (той, что существовала только в моем воображении), ни о жизни Лоры с ее двумя (тремя? может, больше?) мужчинами.

Он сказал, что ее муж, Егор, в командировке. Это не так. И я отлично это знал, как знал многое, касающееся этой семьи. Повторяю, заурядной семьи. Но кто бы мог подумать, какое густое и зловонное варево человеческой жизни кипело здесь и выплескивалось через край, обжигая всех, всех...

Я знал, я чувствовал, что рано или поздно это случится, и кто-то из них двоих, из этих неврастеников, решится на это. Достаточно крепко выпить и вспомнить ту боль, что причинила Лора, чтобы прийти к ней с пистолетом и выстрелить... В голову. Вероятно, либо Гора, либо Вик, Виктор, ее любовник, можно даже сказать, второй муж, сделали это. Все, вся семья, включая свекровь Лоры, мать Горы, знали о существовании Вика (как и о существовании мальчика по имени Саша, которому она морочила голову вот уже полгода), но жизнь продолжалась...

Снаружи это были всего три окна на первом этаже кирпичного дома, заросшего плющом, а зимой оцетинившегося металлической сеткой с набитыми гвоздями – для этого самого плюща. Или дикого винограда. Я не знаю. Но летом в квартире

Ступниковых всегда царил зеленый полумрак. Как в беседке.

А внутри – запущенное жилье: две с половиной комнаты, маленькая кухня, крохотная ванная комната. Пыльная неуклюжая мебель, крашеный пол (тот, кто его красил, даже не потрудился сдвинуть мебель, и видны были мазки краски, криво очерчивающие пианино, диван...), пожелтевшие кружевные занавески на окнах, зеленая толстая бархатная скатерть с пятнами чернил, помады и клея, продавленные кресла. В серванте, за мутными стеклами – такой же мутный, безрадостный хрусталь.

Когда я в первый раз появился здесь, я и предположить не мог, что это неприглядное и грязненькое жилище станет моим вторым домом. Тем более что я ценю чистоту, порядок, и моем собственном доме все иначе: я просто болен чистотой. Не знаю, обратили ли внимание Ступниковы на выражение моего лица, когда я впервые перешагнул порог их квартиры, но я-то знал, что его исказила гримаса брезгливости и отвращения. Я даже не помню, под каким предлогом я попал туда впервые (извините, у вас не найдется луковицы?), но цель моя была ясна и чиста: я хотел поближе рассмотреть Лору.

Их квартира долго пустовала, а я все эти годы много путешествовал, ездил по стране, писал рассказы, статьи и очерки для разных издательств, журналов. Когда же вернулся, то сразу понял, что квартиру купили и в ней поселилась семья. Первое время меня раздражал шум за стеной: передвигали мебель, вколачивали гвозди в стены, иногда работала дрель... Они обустроивались. Потом стало сильно пахнуть краской – вероятно, тогда-то Валерий Сергеевич, отец семейства, и покрасил полы, считая лишним передвигать мебель снова, особенно тяжелое пианино.

С соседями мы познакомились, столкнувшись на лестничной площадке, я представился, сказал, что они всегда могут рассчитывать на мою помощь, словом, был любезен, улыбчив, хотя на самом деле ничего, кроме беспокойства, такое соседство не сулило. Обыкновенная средняя семья: Аля, она же Алла Николаевна, стоматолог, сорокалетняя пухлая женщина с копной спутанных густейших соломенных волос, красивыми карими глазами и быстрой картавой речью; Валерий Сергеевич, наладчик на швейной фабрике – крупный брюнет, спокойный, равнодушный, с вечно сонным выражением лица – почему-то нравился женщинам... И только их дочь – восемнадцатилетняя Лора освещала все вокруг, заставляла мир вертеться вокруг ее стройных ножек... Невысокая, хрупкая, с тонкой костью, а потому не кажущаяся худой, с очень прямой спиной,

как у балерины, белой кожей и густыми, в мать, волосами ярко-медного оттенка. Огромные глаза ее смотрели на мир с вызовом и презрением. Полная верхняя губа, капризная, мягкая, возбуждала мужчин, делала их слепыми и глухими и одновременно страстными, склонными к безумствам и даже суициду. Но обо всем этом я узнал позже... Первое же наше знакомство произошло во дворе, где Лора поджидала мать, чтобы отправиться в магазин за покупками. Солнце играло ее золотыми локонами, длиннющие ресницы медленно поднялись, и Лора посмотрела на меня, вышедшего из дома с мусорным ведром, надменно, как королева Марго.

- Привет, я ваш сосед, меня зовут Михаэль. А тебя?

Я понимал, что старше ее лет эдак на двадцать, но никогда не чувствовал себя зрелым, старым, а потому повел себя с ней, как ровесник. К тому же мне было интересно, как отреагирует на мое приветствие эта маленькая королева.

- Меня зовут Лора. Предки говорили о тебе. Ты - писатель?

- Да... - неуверенно проговорил я, в душе боясь отпугнуть молоденькую, с насмешливым взглядом соседку. Вряд ли ей понравится общаться с человеком, на котором как будто стоит клеймо серьезного писателя. Обыватели склонны думать, что с писателями вообще опасно общаться - поговоришь, а он потом твой разговор быстренько так на бумагу... Или расскажешь какую-нибудь тайну, а он потом впишет ее в свою книгу...

- Интересно. Никогда не видела живых писателей.

- Что, все больше мертвых? - идиотски пошутил я, как шутил уже не один год, слыша подобные реплики.

- Нет, - серьезно произнесла Лора, - и мертвых тоже не видела. И вообще, я не понимаю, как это можно вот так... писать... Вы свои сюжеты берете из жизни?

Я понимал, что она искренне интересуется мной и моим ремеслом, но вопросы ее ничем не отличались от вопросов всех тех, с кем мне приходилось беседовать до той поры. Она была такая же, как все.

Я все это пишу сейчас потому, чтобы было понятно, что Лора была обыкновенной девушкой, а потом обыкновенной женщиной. И прошло уже много времени с тех пор, как мы были знакомы, а я так до сих пор и не понял, почему именно она последние пять лет занимала все мои мысли и чувства... И почему она была мне так интересна. Возможно, стань она моей любовницей, я сразу остыл бы к ней, потерял интерес, перестал бы обращать на нее внимание. А так, испытывая по отношению к ней постоянный любовный зуд и изнемогая от желания, я делал все возможное, чтобы хоть как-то приблизиться к ней, стать частью ее сумбурной и нелепой жизни... Вероятно, я был влюблен в нее, но разве так я представлял себе любовь? И разве такой должна была быть моя возлюбленная? Я пытался разобраться и делал все возможное, чтобы моя страсть и нежные чувства были разоблачены мною же, чтобы я разочаровался наконец в ней и она ушла из моего сердца. Но чем ниже и преступнее бывали ее помыслы, тем сильнее заводился я, порой едва сдерживаясь, чтобы не признаться ей в любви.

Конечно, я лукавлю, говоря о любви. Она появилась много позже. А тогда, в те августовские дни, когда я только познакомился с Лорой, мне не хватало вдохновения, я знал, что мне надо начинать роман, я был захвачен идеей написания даже не просто романа, а саги о семье, причем о семье обыкновенной, рядовой, мне хотелось показать, что даже в таком болоте можно найти жемчужину, и этой жемчужиной как раз и должна была стать Лора...

Я снова ушел от темы. Да, я искал вдохновения, мне хотелось работать, уйти с головой в роман и погрузиться в мир своих фантазий, но простых «здравствуйте – до свидания» с членами выбранной мною семьи было явно недостаточно. И тогда я понял, что ради творчества, ради такой благородной цели, как написание романа, я имею право воспользоваться тем, что уже много лет не давало мне покоя... И я сделал это».

3

«Все случилось быстрее, чем я мог себе предположить. Чувствуя, что надо мной нависает обвинение, причем тяжкое, я понял, что надо действовать. Без меня вряд ли нашли бы убийцу Лоры. Ведь кто, как не я, знал ее жизнь лучше других.

Я знал и внешнюю и внутреннюю сторону этой жизни. Я понимал, что меня сейчас посадят в машину и увезут из привычного мне мира, запрут в камеру предварительного заключения вместе с какими-нибудь подонками, вроде тех, кто убил мою любовь, и преступление так и останется безнаказанным. Я принял решение бежать. Не из кухни – там старые окна, с закрашенными рамами, которые никто и никогда не открывал, равно как и не мыл. Но я мог спокойно выйти и оказаться в гостиной. Из гостиной переместиться в темную, без окон, комнату, в которой спала Лора, когда приезжала в гости к родителям. А там существует стена, та самая стена и дверь, о которой знал только я. Узнал я о ней случайно. Мне и раньше было известно, что наши две квартиры прежде, еще в те времена, когда этот дом только построили, принадлежали семье известных в городе юристов. Потом они построили себе двухэтажный дом поблизости от городского парка, с видом на пруды. А с этими квартирами расстались – одну продали моему отцу, другую долгое время сдавали случайным жильцам, и так было до тех пор, пока ее не купила семья Ступниковых (это удивительно, что у них нашлись деньги на столь дорогую покупку, предполагаю, что они продали комнату в коммуналке в самом центре города, прежде принадлежавшую умершей родственнице, чтобы обзавестись собственным жильем). Раньше в стенах были двери: одна вела из моей гостиной в гостиную Ступниковых и теперь была надежно замурована, заштукатурена и заклеена обоями. Про вторую же Ступниковы не знали. Знал только я да семья юриста, которой не было уже никакого дела до всего этого архитектурного таинства. Вторая дверь вела из моей кладовки как раз в ту самую маленькую темную комнату, где ночевала Лора. Пространство на узкой стене между кроватью и креслом, вечно заваленным барахлом, было тоже заклеено обоями; в дверь были вмонтированы мощные металлические крючья, на которых в несколько слоев вешалась одежда. И так получалось, что дверь была самым естественным образом замаскирована, прямо-таки завалена. Поэтому, когда я, пробираясь в Лорину спальню, открывал дверь, она двигалась с трудом, настолько была тяжела. Петли я время от времени смазывал маслом, чтобы они не скрипели. С этой дверью были связаны у меня самые невероятные приключения, о которых я расскажу позже, сейчас же хочу объяснить, каким образом она послужила мне в тот роковой день, когда меня чуть не повязали и не упрятали за решетку...

Моему следователю позвонили, и он, чтобы я не услышал разговора, вышел из кухни. Я тотчас встал и, пользуясь тем, что квартира пуста и что только группа людей курит в подъезде, работая над лужами крови и отпечатками на входной двери, беспрепятственно покинул кухню, а уж оказавшись в гостиной, метнулся в темную комнату, нащупал в темноте ручку (она всегда была обвита каким-то газовым длиннющим шарфом, висевшим там, вероятно, с того самого момента,

как только Лора поселилась в этой комнате), открыл дверь, проскользнул в свою кладовку и тихо, как мог, затворил за собой дверь. Все, теперь я был в относительной безопасности. За каких-нибудь четверть часа я быстро собрался, вылез через окно спальни и оказался в нашем дворовом палисаднике на мягком ковре из листьев. Прикрыл за собой окно, надеясь, что воры не заметят, что оно закрыто все-таки неплотно, быстрым шагом направился к своей машине, которую парковал всегда под своими окнами, выходящими на шумную, оживленную улицу, сел и быстро, насколько это было возможно, помчался за город. Я уже знал, где найду приют. В поселке Синенькие. Там находилась дача подруги моего отца, Маргариты, которая вот уже два года жила у своей дочери в Испании, а мне поручила присматривать за домом. Отца уже давно не было в живых, но наша дружба с Маргаритой не увядала. Мы перезванивались, обменивались электронными письмами, поздравляли друг друга с днем рождения и Новым годом. Она каждый год собиралась приехать в Россию, повидаться с друзьями и, быть может, продать дачу, но как-то все не складывалось – вероятно, в Валенсии ей было уютно и не так одиноко рядом с дочерью, как после смерти моего отца...

Если бы я был беден, то непременно воспользовался бы возможностью сдавать дачу Маргариты – настолько красив, удобен был этот дом, построенный на самом берегу Волги. Запущенный сад, густо разросшийся и почти непроходимый, частично закрывал вид, и я всегда думал, глядя на ровный белый бетонный забор, что, будь дом построен на холме, все выглядело бы иначе.

Только после отъезда Маргариты, прожив здесь почти месяц и работая над очередным романом (для этого мне пришлось подключить Интернет), я понял, что дом – это живой организм, который необходимо поддерживать, ухаживать за ним, заботиться. Он словно жил и дышал и требовал к себе постоянного внимания. Мы с ним подружились сразу. Первое, что я сделал, это подремонтировал крышу, привел в порядок протекший потолок, сменил обои в спальне, причем делал все это с удовольствием, представляя себе, что это мой дом... Конечно, я мог бы попросить Маргариту продать мне его, но давняя моя мечта взяла верх – и я купил кусок земли в Лазаревском, на берегу моря, и даже заказал проект нового, одноэтажного, но просторного дома...

Знал ли я, что Лора время от времени похищает у меня ключи от дома в Синеньких, чтобы провести там время со своим очередным любовником?

Безусловно. Больше того, я сделал копии ключей, и на видном месте, в прихожей, на стене висел именно этот комплект, оригинальная же связка ключей была надежно спрятана в моем письменном столе.

Теперь, когда Лоры не стало, приезд сюда вызвал во мне целую бурю чувств. Оставленные ею вещи – заколка для волос, коробка с крошками печенья, пустая бутылка из-под вина – казались не следами блуда и обмана, а чем-то невинным и таким трепетным, безвозвратно потерянным.

Я вошел в дом, заперся и бросился на кровать. Я долго лежал ничком, не в силах понять, что же произошло на самом деле. Неужели все это не сон и Лоры на самом деле больше не существует? Кто посмел ее убить? За что? Даже если предположить, что это сделали из ревности ее мужчины, то зачем убивать? Неужели нельзя было найти другого способа вернуть ее, оставить себе? Ведь она была проста в своих желаниях: больше всего на свете она хотела быть любимой и страшно боялась нищеты... Значит, кому-то из двух ее основных, я бы сказал, мужчин – мужу или любовнику, – надо было сильнее любить ее и давать побольше денег. Зачем же убивать?

Целились в голову, голову... Значит, не оставляли шанса. Однако, выстрелив, убийца бежал, не дожидаясь конца. Он не видел, как Лора, держась слабеющей рукой за горло, извергавшее фонтаны крови, спускается по ступеням вниз, на свежий воздух... Возможно, она еще надеялась, что ее кто-то увидит, поможет. Но никто не увидел. Даже ночной прохожий чуть не наступил на нее... И это неудивительно. Она, маленькая, обескровленная, лежала, вытянувшись вдоль дорожного бордюра, утопая в ворохе прилетевших, опустившихся на асфальт мертвых листьев, в черной шелковой пижаме. («Михаэль, я умираю по этой пижаме. Она стоит огромных денег, но она их стоит. Обещаю, что покажу тебе ее, если ты дашь мне займы. Я на следующей неделе верну, мне Гора обещал. А если он не сможет, то Вик, ты же знаешь, за мной не заржавеет...»)

У меня до сих пор стоит в ушах ее хриловатый смех...

Я поднял голову и прислушался. Нет, показалось. Никто не смеялся. Это воспоминание, и в моей памяти она навсегда останется живой, дерзкой, грубоватой, простоватой, даже нелепой в своем желании выделиться... Так, как гордо носила она на плечах свою голову, не носил никто, кроме царственных

особ. Лора же причисляла и себя к царственным особам. Все подчинялись ей. Даже я. Это для нее мама Аля по утрам варила сладкую манную кашу и посыпала ее изюмом, это для нее отец чистил зеркального карпа, это для нее любовник-неврастеник Вик (Виктор) покупал красную икру и клубнику в январе, это для нее свекровь заказывала в Москве австрийские туфли и какие-то немыслимые, с вытяжкой из улиток, кремы для лица... Это ради нее я так много времени проводил в их жуткой квартире, и ради нее я, рискуя быть застигнутым врасплох, произвел на свет довольно-таки хитроумное устройство, позволяющее мне подслушивать все ее телефонные разговоры в квартире ее родителей. Ради того, чтобы слышать ее, видеть, чувствовать ее близкое тепло...

Я не заметил, как наступила ночь. Удивительное дело, но, даже находясь на пике нервного возбуждения и вздрагивая от каждого шороха в страхе быть обнаруженным и арестованным здесь, в этом доме, я не потерял интереса к жизни и аппетита. Возможно, виной тому мое природное здоровье. Я поужинал мясными консервами, выпил крепкого чаю и расположился перед телевизором в спальне, пытаюсь понять, что же все-таки сегодня произошло...

Итак. Меня обвинили в убийстве. Я сбежал из-под самого носа следователя (он никогда в жизни не простит мне своего позора). Я исчез, предоставив всем тем, кто работал в квартире Ступниковых, ломать голову над тем, как мне это удалось сделать. Получалось, что я прошел мимо них незамеченным. Возможно, подумал следователь, не обнаружив меня в квартире, он спокойно прошел мимо нас, пользуясь нашей занятостью... Но разве такое вообще возможно, что меня не заметил никто?! Абсолютно?! Разве что я прошел через стену? («Быстро проверить все стены!») Нет, они никогда не найдут эту дверь в темной спальне. Кишка тонка. Они будут думать, что я сбежал через окно. Возможно, окно в гостиной и открывается, но тогда как же я ушел, предварительно закрыв его на шпингалет за собой? Значит, не через окно... Но куда я делся? Следователь задерет голову наверх, чтобы поискать меня и на потолке, а вдруг я так же проворен, как и Жан Рено, нависший над своими преследователями в «Леоне»? Чтобы и дальше не позориться перед своими коллегами, он наверняка закроет эту тему и все усилия направит на мои поиски. Первым делом они взломают мою квартиру... Хотя я не знаю, имеют ли они на это право. Есть ли смысл во всем этом? Неужели они полагают, что я спрятался от них в собственной квартире?

Свой телефон я отключил сразу же, как только покинул квартиру Ступниковых. Не зная, насколько технически оснащена наша милиция, но предполагая, что мой телефон могут засечь, будь он включен, и, стало быть, вычислить район моего местонахождения, я решил не рисковать. Да и к чему мне телефон? Главное, что они меня не найдут и я относительно свободен.

Ядовитая мысль о том, что теперь-то мое творение обретет идеальную форму криминального романа, поскольку я волей судьбы оказался втянут в историю с убийством Лоры, я почувствовал сладковатый вкус приближающегося вдохновения...

Пока что у меня имелись лишь некоторые наброски, детали, метафоры, записи многочисленных телефонных разговоров Лоры (которые и тогда еще пахивали скорой и трагической развязкой, но разве ж Лору было остановить?!), другими словами, материал для романа о молодой женщине, жаждущей любви и терявшей на каждом шагу свои идеалы... Теперь же, когда Лоры не было, когда ее нежное тело леденело в грязном морге, каждое слово, произнесенное ею по телефону, могло быть истолковано иначе, все в ее истории приобретало роковой характер, красно-черные краски смерти...

Я включил свой ноутбук и нажал на первый же файл в папке «Лора».

4

«– Гора, ты помнишь мои теплые панталоны? Такие красные... Я их надевала под юбку... Так слушай меня. Их надо найти и к моему приходу погреть на батарее... Холод жуткий, у меня зуб на зуб не попадает. Еще набери в ванную горячей воды, только очень горячей, чтобы к моему приходу она немного остыла. И сыпани туда соли побольше, ты знаешь, желтая такая банка, соль с запахом ванили... Вот приеду, лягу в ванну и буду лежать, пока не сварюсь... Где я? В автобусе, милый, где же еще?! Ты, кстати, машину отремонтировал? А чего тогда спрашиваешь? Денег нет? Это я уже где-то слышала. Так спроси у своей мамочки или у папочки. Гора, мне все это надоело. Ты знаешь, я заказала шубу Глафире. Она со дня на день вернется из Греции, что я ей скажу: извини, Глафирочка, у меня денег нет? Гора, не заставляй меня так унижаться. Я и так

унижена с самого рождения... Ладно, ты понял про панталоны? Да, чуть не забыла, рядом с ними положи на батарею теплые носки. Белые такие, пуховые, они в шкафу, на верхней полке. Слушай, я говорю тебе об этом, и у меня ноги словно теплеют, представляешь? Все, дорогой, целую тебя».

«- Вик? Это я. Ты сделал, как я тебе сказала? Достал из морозилки курицу? Вот и славненько. Теперь поставь вариться бульон. Кастрюлю возьми белую, в красных маках... Не знаю точно, когда я к тебе приеду, но приеду, это точно. Ты деньги достал? Лапочка... Обожаю тебя. Ты же знаешь, Глафира не станет ждать денег, сразу шубу перепродает... А она, знаешь, какая, с капюшоном, норковая... Я тебе перезвоню. Где я? В автобусе... Здесь такая холодина... Ладно, Вик, дорогой, целую тебя».

Ни в каком автобусе она не ехала. Она сидела, провалившись по уши в теплое уютное кресло и закутавшись в теплую шаль в гостиной квартиры своих родителей, и ела торт, запивая его чаем. Все это я узнал, прослушивая ее телефонные разговоры, находясь через стенку от нее и весь обратившись в слух. Перед тем как поговорить со своими мужчинами – мужем и любовником, она болтала с подружкой Глафирой, той самой, которая, по ее словам, должна была уже вернуться из Греции с шубой.

«- Глафира, привет... Приходи, я у мамы. Я тут торт ем. Какой еще покупной? Когда я покупала торты? Я его сама пекла. За шубку спасибо, она – просто прелесть. Пришлось на родителей надавить, они кредит в банке взяли. Чего только не сделаешь для любимой дочки! А что Гора? Гора – ничего. Как всегда. Но и бросать его тоже жалко. Без меня он пропадет... Сейчас позвоню ему, но знаю, что бесполезно... Приходи, Глаша, погадаешь мне. Да и вообще, мне так много рассказать тебе нужно... Я тут с одним мужчиной познакомилась... Случайно. Он подвозил меня... Представляешь, сажусь я в машину, вся из себя такая... Ну, он и клюнул. Спросил телефон и в этот же день позвонил, свидание назначил... Глаша, не телефонный разговор... Приходи, а то от торта ничего не останется...»

За Гору, Егора, она вышла замуж по большой любви. Их познакомили, и они удивительным образом понравились друг другу, уже на второй день знакомства Лора осталась ночевать у Егора, а через месяц они подали заявление в ЗАГС. Аля

пришла ко мне и самым торжественным образом попросила денег в долг – на свадьбу Лоры.

– Понимаете, Михаэль, деньги у нас есть, но Лора хочет какое-то необыкновенное платье, да и свадьбу решили отпраздновать на теплоходе... Она же наша единственная дочь, да и замуж выходит, как она говорит, на всю жизнь...

Очень хотелось в это верить, и я с легкостью дал им денег. На свадьбу они меня, правда, не пригласили, да я и не обиделся: ну кто я им такой? Сосед. Разве могли они предположить, насколько тяжело для меня было вообще осознавать, что моя Лора, как я ее уже про себя начал называть, будет теперь принадлежать какому-то хлюпику, маменькину сынку, внешне – прыщавому подростку с осторожным взглядом и мокрым ртом? Гора работал в какой-то конторе, связанной с книжным бизнесом, ходил всегда аккуратно одетый, и движения его были плавны, медленны, как у кисейной барышни. Вдвоем – Лора и Гора – смотрелись как сущие дети, поскольку в Лоре лишь только проглядывала женственность, а в Горе – мужественность. Какими-то они были недоделанными. Но я-то в своих фантазиях превращал Лору в женщину, обучал ее любви и всему тому, что мне хотелось бы видеть в своей жене. И кто бы мог подумать, что она так вот быстро окажется в руках молокососа? Возможно, мне надо было как-то форсировать события, намекать родителям о своих чувствах к их дочери да и приударить за самой Лорой, но мне тогда казалось, что она слишком молода, что восемнадцать лет – это почти ребенок, девочка, а я так боялся травмировать ее своими мужскими желаниями, своими конкретными, целенаправленными ухаживаниями. К тому же я тогда еще находился в том блаженном состоянии созерцания, которое приносило мне массу удовольствия и без более близкого контакта с возлюбленной.

До того как выйти замуж за Гору, Лора ни с кем не встречалась, она была девственна и проводила все свое свободное от еды и сна время (она после школы нигде не работала и не училась, ссылаясь на больные нервы) в чтении романов. Я наблюдал за ней, находясь в ее квартире, прячась в темной комнате и испытывая сильнейшее чувство страха перед разоблачением. Но кто бы знал, как часто я бывал вознагражден на свою дерзость и смелость! Лора пользовалась темной комнатой исключительно для сна или для того, чтобы взять там одежду. Переодевалась же она в гостиной, тем более что родители большей частью отсутствовали, а потому прятаться было просто не от кого. Она свободно расхаживала по квартире голышом, словно привыкая к этой своей раздетости и

обретая тем самым некую уверенность в своей внешности. У нее была красивая полная грудь, миниатюрное тело, но, повторюсь, не костлявое, какое могло быть при ее размерах, словно вместо костей у нее был тончайший проволочный каркас. Стройные бедра приводили меня просто в восторг, как и ее узкая красивая спина, наполовину скрытая тяжелыми золотыми локонами.

Лора любила пудру, и пудрилась везде, где только могла. Высматривая ее из своего убежища, я пытался представить себе ее реакцию в случае, если она меня заметит, и всякий раз приходил к выводу, что я ее совершенно не знаю. Испугается ли она настолько, что накричит на меня и наши отношения, пусть даже пока только соседские, будут разорваны? Или напротив, оценит мой порыв и желание подсматривать за ней и позволит мне чуть больше, чем положено соседу? Судя по той литературе, которой она зачитывалась (Шекспир, Лопе де Вега, Вилье де Лиль Адан, Гофман и т. п.), она была склонна к авантюризму, но насколько он в ней был развит, я пока еще не знал. Однако понимал, наблюдая за ней, что в ней медленно, но верно пробуждается чувственность, что где-то внутри нее дремлет желание, ищет своего выхода... Возможно, знакомство с Горой как раз и совпало с ее желанием удовлетворить свое женское любопытство и вступить в близость с мужчиной. И, судя по всему (уж не знаю, как там у них все это произошло), Гора ее устроил. С другой стороны, он же был ее первым мужчиной, а потому и сравнивать-то ей, бедняжке, было его не с кем. Возможно позже, вообразив себя одной из романтических героинь любимых книг, она познала не один десяток мужчин, и Гора на их фоне побледнел, растворился, однако жить она продолжала с ним и разводиться собиралась лишь на словах. Я так думаю, что ей нужно было такое место, куда бы она могла вернуться после своего блуда – дом, гнездо, нора, где она могла бы с упоением зализывать свои раны и обдумывать дальнейшую жизнь. Время от времени она возвращалась в родительский дом, однако там не было влюбленного в нее по уши Горы, а ей на тот момент требовалась жертва, раб, который бы мыл ее, как куклу в ванне, разогревал бы ей ужин и стирал чулки, а еще, и это главное, выслушал бы ее, утешил и приласкал. Она просто-таки упивалась этой своей женской силой, позволявшей ей, становившейся с каждым годом глубоко порочной и необузданной в своих желаниях, удерживать подле себя желавших ее мужчин. (В их числе, между прочим, был и ваш покорный слуга... И это при том, что я так ни разу и не дотронулся до нее! Разве что получал время от времени быстрые, безвкусные поцелуи благодарности за одолженные деньги – она целовала, не глядя, попадая своими густо накрашенными губами то в щеку, то в висок, то в нос...)

«– Я сегодня останусь у мамы. Ей нездоровится. Говорю же, Гора, она заболела. И не жди меня сегодня... Нет, дело не в Вике, и вообще, я с ним рассталась. Ты же помнишь... И не начинай все снова! Я устала от твоей любви, ревности...»

Ей нравилось играть роль роковой женщины, сочиняя по ходу действия целые душераздирающие монологи, суть которых сводилась к следующему: как же вы все мне надоели, вы все хотите от меня любви, а сами не способны ни на что (подразумевались, конечно, помимо любви – деньги, подарки). На подарках она была просто помешана, и я воспринимал это как элементарную невоспитанность. Вероятно, это родители испортили дитя, заваливая с детства подарками. Ребенок вырос и стал требовать такого же к себе уважения и любви, подкрепленного материально, от всего окружения. Обнаружив этот ее грешок, я стал главным дарителем, вот только каждый раз ломал себе голову над тем, как бы удобнее вручить ей тот или иной подарок, чтобы она не поняла, что я безнадежно влюблен в нее... В нашей стране великое множество праздников, вот я и подгадывал, когда именно вручить ей то японский зонтик, то отрез бархата (у Лоры гардероб ломился от платьев и юбок, сшитых из этой благородной и так любимой ею материи), то серебряный браслет, то духи... Я не мог дарить ей дорогие вещи, поскольку тогда она все поняла бы, раскусила меня, и неизвестно, чем бы закончились наши отношения... Это сейчас, когда Лоры не стало, я начал понимать, как же я был глуп, непроходимо глуп, скрывая свои чувства, и что, возможно, моя любовь спасла бы ее от многих ошибок и заблуждений. Но как тяжело признаться себе в том, что я боялся ее! Я, взрослый мужик, с опытом семейной жизни (я был женат на Полине, и наш трудный брак продлился целых три года) и имевший в разное время любовниц, трепетал перед соседской девчонкой, как школьник... Все время, что я следил за Лорой и умирал по ней, я больше всего боялся быть высмеянным ею, поскольку знал, как остер ее язычок и сколько яда пульсирует в ее железках от рождения. И лишь после того, как она умерла, мне стало ясно, как же ничтожна была жизнь стороннего наблюдателя, профессионального подглядывателя, человека ущербного, все чувства которого из сердца переместились в зрачки и барабанные перепонки...

Если бы кто-то подглядывал за мной, то решил бы, что я всего-навсего пошлый вуайерист, да просто свинья, нахально вторгавшаяся время от времени в чужую частную жизнь и без зазрения совести подслушивавшая биение чужой жизни.

Мой компьютер наполнился записанными телефонными разговорами Лоры, в которых та часть, которая была произнесена ее мужчинами-собеседниками, была опущена мною, как нечто невыразительное, неинтересное, прилагаемое к активной и инициативной части Лориной речи. Как правило, суть разговора излагалась Лорой, да и весь разговор вела она, как опытный проводник, отлично знавший направление и конечный пункт.

Помимо телефонных разговоров я записывал многочисленные истории Лоры, которые знал либо от нее лично, либо также благодаря подслушиванию ее разговоров с подругами. Бывали и случаи из жизни, свидетелями которых являлся я сам. И это были самые болезненные для меня факты ее биографии...

Сейчас, когда я был один и мне никто не мешал сосредоточиться и подумать о том, кто и за что мог убить Лору, я, просматривая свои записи, все больше и больше склонялся к тому, что убийцей ее мог быть либо Гора, либо Вик. Саша, высокий, худой краснотупый парень с вытаращенными глазами и носом, забитым разросшимися аденоидами, был не в счет – слишком молод, слишком глуп, слишком труслив, чтобы быть способным на такое. К тому же он был, на мой взгляд, здоровым в отличие от этих двух психов – Горы и Вика.

Почему я не записал в убийцы ее остальных, «разовых» любовников? Да потому, что убийство было совершено в квартире ее родителей, а Лора вряд ли давала своим «денежным мешкам» их адрес. В этом не было никакого смысла. К тому же если с Горой и Виком ее связывала какая-никакая, но любовь, то с остальными – вполне конкретные, я бы даже сказал, экономические отношения: Лора спала с ними исключительно за деньги. Реальной, озвученной таксы никакой не было, но она существовала в Лориной взбалмошной головке: «Представляешь, – возмущалась она в трубку, разговаривая с подружкой Глафирой, – эта свинья дала мне всего сто долларов! Он что же, думает, что я такая дешевка?!» Было ясно, что это свидание было первым и последним. Начитавшись романов и вообразив себя обнищавшей графиней, заложившей свой последний дом, Лора продавала себя, как последняя проститутка, причем не где-нибудь, а в гостинице, где работают настоящие профессионалки. Уж не знаю, как она с ними договаривалась, но ее редкие попытки украсть у них хлеб ничем особо криминальным не заканчивались.

Как я вообще узнал об этом? Случайно. Ко мне приехал друг из Москвы, Макс, поселился в гостинице «Европа» и пригласил меня на ужин. Вот там-то, в холле

гостиницы, на лестнице я и увидел свою Лору в компании двух командировочных. Видно было, что Лора нервничала и хотела как можно скорее зайти в номер, чтобы никто из знакомых не увидел ее. Я же, понимая, что она оказалась здесь не случайно (и что только вполне определенные обстоятельства позволяли двоим мужикам лапать ее, подталкивая в спину и направляя в свой номер), сделал так, чтобы она меня не увидела. Приятель мой, не понимая, зачем я тащу его вниз, решил, что мы идем в ресторан. Попытался заартачиться, мол, мы можем выпить вина и в номере, поэтому мне пришлось, зная его чрезмерную, порядком раздражавшую меня скупость, сказать, что угощу его ужином, после чего он уже шагал рядом со мной едва ли не вприпрыжку. Я имел самое смутное представление, какие именно дела привели его в мой город (кажется, он представлял интересы мебельной фабрики Подмосковья, штампующей «испанскую» мебель в подпольных цехах), но одно я знал твердо: Макс – бабник, и все сэкономленные на ужине деньги и командировочные потратит на женщин. Жене же привезет в подарок какую-нибудь безделицу вроде павловопосадского платка или подноса, расписанного под Хохлому... И уже за столом, изрядно выпив, я вдруг представил себе, что Лора успела переспать уже и с ним, пусть не в этот раз (Макс только что приехал), и мне стало дурно.

– Как ты проводишь здесь вечера? – спросил я у Макса, чувствуя, как краснею. Больше того, по лицу моему покатился пот, предательский, обильный.

– Когда сильно устаю, то ужинаю и ложусь спать. А если есть время и возможность, звоню одной знакомой, и мы проводим вечер вдвоем.

– Проститутка? – прохрипел я, не понимая, отчего я так волнуюсь.

– Да нет, нормальная девчонка. Познакомились однажды на набережной... У нее муж где-то в Сибири работает, дома редко бывает, вот жена и скучает...

Я немного успокоился. Нет, это не Гора. Гора не в Сибири, он вообще работает непонятно где и кем, вроде бы теперь в строительной фирме (или я снова не в курсе).

– Что, и денег не берет?

– Какие деньги, брат... Она же ради удовольствия встречается. Может, это она мне еще доплачивать должна, что я заменяю ей на время мужа...

Я слушал его, а перед моими глазами стояла Лора. И два ее спутника, увлекающие ее в гостиничный номер. И не страшно ей, моей девочке, оставаться наедине с ними? Неужели ей действительно так нужны деньги, что она зарабатывает их таким вот образом? Куда смотрит ее муж? Любовник? Родители, наконец? Мне вдруг захотелось найти ее и вырвать из лап этих подвыпивших командировочных, спросить ее, сколько ей нужно денег, чтобы она не шаталась по гостиницам и не продавала себя, как последняя шлюха. Но где ее искать? В каком номере? Меня в тот вечер охватила такая тоска, что я готов был разрыдаться на плече Макса.

А на следующий день я, размякнув в кресле, в наушниках слушал (вернее, подслушивал) ее телефонные разговоры со своими близкими и подружками, ждал, когда же она выдаст себя, кому первому признается в совершенном ею преступлении. Но так и не дождался. Она говорила о чем угодно, но только не о вчерашнем свидании. И все разговоры ее носили агрессивный характер.

«– Гора? Ты где был вчера? Я тебя прождала целый вечер, а потом мы с Глафирой отправились к моей тетке, помогать ей готовиться к юбилею... Ты слышишь меня? Я спрашиваю тебя, где ты был? В гараже, значит? И что ты там делал? Послушай меня, Гора, ты в машинах не разбираешься, ты не мог ее отремонтировать. Вот я и спрашиваю – что ты там делал? И где ночевал? Дома? Где – дома? У мамы? А почему мне не позвонил? Нет, дорогой, ты мне не звонил. Если ты считаешь, что имеешь право так со мной обращаться, флаг тебе в руки! Но только найди себе другую жену, ты понял меня?..»

Она разговаривала с ним жестким тоном, рубила на куски фразы, причем фразы привычные, повторяемые по пять раз на день, и ей казалось, что она нападает на мужа, обвиняя его в том, чего, скорее всего, и не было (Глафира стала его любовницей много позже, и в день убийства Лоры Гора был у нее, я это точно знаю, поскольку слышал, как он договаривался с ней по телефону из квартиры Ступниковых, другое дело, он мог уйти от Глафиры, чтобы убить Лору, а потом вернуться обратно, и Глафира наверняка подтвердила бы его алиби), а на самом деле она словно оправдывалась, но это знали только мы двое – она и я.

«– Глаша? Привет. Приходи, у меня суп харчо. И принеси те сапоги, которые ты мне показывала. Знаю, что велики, но что поделать? Набью в носки ваты, и все. Не в первый раз. И жакет принеси бархатный. Мне кажется, что я созрела. Да знаю я, что тебе деньги нужны, а кому они не нужны? Да, кстати, а где ты видела кошкин дом? Я домой уже купила такой, теперь хочу еще один, для другой Симы... Вик терпеть не может кошек, но держит Симу только ради меня. По-моему, у него даже аллергия на кошек... Кто? Вик? Как же, дождешься от него денег. Скорее рак на горе свистнет. Нет, мама подкинула. Нет, не ходила. Не встречалась. Пошли они все...»

Мне тогда показалось, что она плачет, что в глубине ее души все разрывается от жалости к себе, когда она вспоминает, как достались ей эти деньги на сапоги, жакет, какой-то там кошкин дом (ее собственная страсть вить гнезда везде, где ее хотят видеть, по ее мнению, была свойственна и кошкам, которым она покупала мягкие, обитые бархатом домики).

Эти ее фразы «...Нет, не ходила. Не встречалась. Пошли они все...» ранили меня в самое сердце. Мне бы тогда позвонить в дверь, упасть на колени перед ней и сознаться во всем, что я знаю и чувствую. Я отдал бы ей все свои деньги, я занял бы у друзей, если бы ей этого показалось мало, только чтобы она была счастлива. Что ж, каждый понимает счастье по-своему. Для Лоры, моей простой, непритязательной девочки, это могло быть новое платье, сапоги, шуба, духи, крем... Возможно, окажись на моем месте подслушивателя женщина, она бы поняла Лору, оценила бы радость от приобретения той или иной вещи, мне же все это казалось настолько не стоящим той цены, которую Лора за все это платила, что я просто зверел от такого несоответствия, мучился, переживал... Как же я жалел теперь, когда ее не стало, о своей нерешительности, бесхарактерности, страха быть высмеянным... Лучше бы уж она посмеялась надо мной, чем такой финал...

Конечно, человеку невнимательному, не смыслящему ничего в любви, телефонные разговоры Лоры с ее мужчинами могут показаться пустыми и неинтересными. Но надо было знать отношения этих людей, выстраивающиеся годами, чтобы понять, насколько циничны они и переполнены эгоизмом. Быть может, я заблуждаюсь на сей счет, но я, в какой-то степени человек наивный, пусть и доживший до седины, до сих пор все примеряю на себя. Предположим, я – муж Лоры. Я люблю ее. Знаю, что и она любит меня. И в то же самое время она

изменяет мне, причем постоянно с одним и тем же партнером, с которым они вместе ведут хозяйство, говорят о любви, быть может, обо мне, строят планы на будущее... Сварив вишневое варенье дома (Гора, в вишневой крови по локоть, вынимал косточки шпилькой), Лора несет теплые еще баночки к Вику, где они вместе пьют чай... Что это? Как такое вообще может быть? Сколько раз мне хотелось ей сказать, что так нельзя, что это недопустимо, что рано или поздно у кого-нибудь из них лопнет терпение, и никто не знает, чем все это закончится... Но не сказал, не предостерег, не остановил, не схватил за руку... Не схватил за волосы, не притянул к себе, не поцеловал, не сделал своей женой, не позволил себе любить, а ей – быть любимой. И теперь она из-за меня, из-за моей слабости стала жертвой неврастеника, застрелившего ее, да еще так неумело, заставившего ее так страдать, захлебываясь собственной кровью...

Я выключил компьютер, не в силах вновь и вновь перечитывать написанное. Тишина в доме после того, как стих шум работающего компьютера, заложила уши... Было так тихо, так тихо, словно я на миг оглох.

Я понимал, что мой побег – не желание скрыться, спрятаться от правосудия. Нет. Я должен был воспользоваться свободой, чтобы найти убийцу Лоры. Но как я могу это сделать один? Никак. Убийцу должен искать профессионал, человек, который на этом собаку съел. Каждый должен заниматься своим делом... Он будет искать убийцу Лоры, а я оплачу все расходы. Я должен это сделать ради любви к ней, пусть даже и мертвой. Это будет частный детектив, из бывших ментов. Я помогу ему вычислить убийцу из трех близких Лоре мужчин. Покажу свои записи, и он все поймет. К тому же ему будет проще заниматься этим делом уже потому, что у него наверняка остались связи в прокуратуре и там он узнает подробности дела. Вот только где найти такого человека?

Я решил найти его через Интернет.

5

Невысокий толстенький человек лет пятидесяти, смуглый, в джинсах и черном свитере, улыбнулся мне, показывая белые зубы.

– Мне кажется, я уже где-то видел вас, – сказал он мне приятным жирненьким голосом, и я сразу же представил себе, как он намазывает себе хлеб толстым слоем масла.

– Может, и видели.

Мы договорились встретиться с частным детективом Вишняковым Львом Григорьевичем в старой деревенской столовой поселка Масловка, именуемой теперь «Приют грибников». Деревня находилась в низине, окруженная густыми хвойными посадками, осенью полными маслят и рыжиков. Я хорошо знал это место и выбрал его как нейтральное и расположенное неподалеку от Синеньких.

Остановив свой выбор на Вишнякове, я, как мне показалось, не ошибся: он приехал в поселок вовремя, всем своим видом произвел на меня самое благоприятное впечатление. Мне казалось, глядя на него, что такой человек, во-первых, умеет держать язык за зубами, во-вторых, много чего знает и понимает, в-третьих, от него исходила сила, которую я почувствовал, едва наши взгляды встретились...

– У меня к вам дело... Я не мог говорить с вами по телефону...

– Я догадался. Боятесь, что вас вычислят... Правильно. Очень даже мудро. Судя по всему, вы находитесь в розыске...

– Я сейчас все объясню.

Мы заказали по яичнице и кофе.

– Может, вы слышали: вчера ночью в городе была застрелена молодая женщина
– Ступникова Лариса...

– Так... – Лев Григорьевич с аппетитом поедал яичницу. – И что же?

– Это моя соседка. Мы жили с ее родителями через стенку. Вчера ее нашли застреленной...

Вишняков достал из кармана джинсов маленький потрепанный блокнот и записал туда – Лариса Ступникова.

– Слушаю вас, Михаил...

– Меня зовут Михаэль.

– Красивое имя. И что же? Вы хотите узнать, кто ее убил?

– Да. Я был очень привязан к этой девушке... Я много знаю о ней, о ее семье, о мужчинах, с которыми она встречалась и которые не сумели... удержать ее при себе...

Я говорил не то, что хотел. Слова сами складывались во фразы, и мне было стыдно снова за свою скованность и нерешительность.

– Извините... – Лев Григорьевич достал телефон и кому-то позвонил. – Юра? Посмотри в сводках... Вчера была убита молодая женщина – Лариса Ступникова. Постарайся что-нибудь узнать. Потом мне перезвони. Все, пока.

Он положил телефон в карман и вернулся к яичнице.

– Это мой помощник – Юра. Он перезвонит. От кого вы прячетесь, Михаэль?

– Дело в том, что примерно за полчаса до смерти Лора позвонила мне. Обычный звонок, один из сотен таких же – она попросила у меня денег, несколько тысяч. Она обращалась с такой же просьбой и прежде, и это было нормально. Я с удовольствием одалживал ей, и она всегда мне возвращала. Так вот, они, эти люди, которые занимаются расследованием ее убийства, почему-то решили, что это я ее убил. Лишь только потому, что она перед смертью разговаривала со мной по телефону. Еще решили, что я был ее любовником...

– А на самом деле? – не поднимая глаз от тарелки, спросил Вишняков.

- Нет, - угрюмо ответил я.

- Она не сказала, зачем ей понадобились деньги?

- Нет. Не запомнил... Но я и не спрашивал, это неудобно. К тому же я приблизительно мог представить себе, зачем ей могли понадобиться деньги... Пустяки, понимаете?

- Пока нет. Наркотики, алкоголь?

- Нет, ни в коем случае! Она даже не курила, разве что баловалась с подружками...

- Тогда что вы считаете пустяками? Ведь речь шла не о нескольких сотнях рублей...

- Она любила красиво одеваться... - У меня горло словно распухло от стыда за ту, которой уже не было и которая все свои силы растрачивала на одежду, духи и разные другие мелочи. И тут вдруг я вспомнил, что Лора любила еще, и эта ее страсть открылась не так давно, когда она поближе познакомилась с Машей, сестрой Глафиры, большой любительницей драгоценностей. И я добавил: - И золото. Но поскольку денег в семье не было, она чаще всего покупала дорогую имитацию, бижутерию...

- Понятно, - кивнул головой Лев и отодвинул от себя тарелку.

Я услышал марш из оперы «Аида» и вздрогнул, настолько он показался мне сейчас неуместным. Мой собеседник, напротив, считал, вероятно, что эта музыка как нельзя лучше подходит к его жизненной позиции и принципам: он выбрал этот торжественно-праздничный марш Верди как достойное сопровождение деловых переговоров, да и вообще жизни - так звучал его телефон.

- Да, Юра, слушаю... Так, так... Понял. Хорошо. Попробайся поговорить с соседями, знакомыми, выясни, что и как... Насколько я понял, ее убили в квартире родителей...

Я сделал ему знак, что готов объяснить ему гораздо больше, чем мог бы ему сказать за пару минут помощник. Лев Григорьевич закрыл глаза и опустил голову, давая мне знать, что он все понимает, но тем не менее выслушает своего собеседника до конца.

– Свяжись с Кондратьевым из прокуратуры, пусть перешлет результаты экспертизы... Все, до встречи.

– Ну, что там? – не выдержал я, в потайных уголках своей души все еще вынашивая надежду на то, что я перестал интересовать правоохранительные органы, что они, потеряв меня из виду и стыдясь этого, сделали объектом своего подозрения кого-нибудь другого. Или (а вдруг?!) объявился сам убийца с признательными показаниями? Мало ли...

– Они нашли дверь, – сказал он и посмотрел мне прямо в глаза.

Потом мы долго говорили в его машине. Вернее, говорил я. Объяснял, как на исповеди, что двигало мною, когда я начал пользоваться этой тайной дверью, и что ничего преступного в моих замыслах не было, как не было и желания убить ту, которую я любил больше всех на свете.

– Вы считаете, что я совершил ошибку, сбежав?

– Нет, не считаю. Я сам бы поступил так же. К тому же грех было не воспользоваться дверью... Могу себе представить их лица, когда они поняли, что вас нет в квартире... С одной стороны, это так. Но, с другой, посудите сами: они обнаружили дверь, сопоставили все факты, и получилось, что в квартиру Ступниковых убийца вошел именно через эту самую дверь... На ручке – ваши отпечатки пальцев, как и на других ручках этой квартиры и на каких-то вещах, дверных проемах... У них сложилось впечатление, словно вы жили в этой квартире – так много вы наследили...

Я пламенел, горел, на кончике носа образовалась капля пота. Но я должен был пересилить себя, превозмочь свой стыд и продолжить общение. Ведь никто, кроме этого человека, больше не узнает тайну Лоры и моих чувств к ней.

– Они решили, – продолжал с озадаченным видом сытый Вишняков, – что Лора была вашей любовницей, что вы встречались то в вашей квартире, то в квартире ее родителей, пользуясь пресловутой дверью... Что вы сильно ревновали ее к мужу (кстати, ее мать дала показания, будто бы вы недолюбливали мужа Ларисы)...

– Может, и недолюбливал, – возмутился я. – И что ж с того? Почему я должен был его любить, если он посылал свою жену на панель?

...Я был в темной комнате, лежал на ее кровати, когда услышал, как вдалеке поворачивается ключ. В этот час, как правило, дома никого не бывает. Лора ходит по магазинам, гостям; ее любовники и родители заняты работой, приносящей, правда, сомнительный доход, а я, пользуясь случаем и отсутствием хозяев, воображаю себя возлюбленным Лоры. Лежа на ее кровати и вдыхая в себя запах ее постели, духов, могу подолгу держать в руках ее пижаму и ночную сорочку, представляя себя ее мужем... И при этом меньше всего, конечно, думаю о вынашиваемом в голове романе. В это время я наслаждаюсь жизнью, я, трус по природе, в своих фантазиях переношусь в декорации реальной жизни, где я мог бы держать в своих объятиях ту, что мне всего дороже...

Я словно окаменел. Судя по голосам, это была Лора с мужем, Горой. Я не успел открыть дверь и скрыться за нею, мне пришлось зарыться в ворох висящей одежды. Отлично зная, что темная комната освещается тусклой малиновой лампой и что при всем желании меня сложно обнаружить, я замер, смутно представляя себе, что же будет дальше. И был потрясен, поняв вдруг, что Гора, сославшись на головную боль, отпросился с работы исключительно ради того, чтобы побыть с женой. Они не разговаривали, в темную комнату вошли уже голые, и на моих глазах, в нескольких сантиметрах от меня, предались любви...

Признаться, не на это я рассчитывал, совершая опасные путешествия по чужой квартире. Меньше всего мне бы хотелось видеть Лору в объятиях другого мужчины. Все, что происходило рядом со мной, в красно-черном полумраке, я мог бы представить и с закрытыми глазами, лишь по звукам... Они много говорили о любви, бесконечно признавались друг к другу, и тогда я начал понимать, что любовь для обоих – не пустой звук, что это слово означает обладание и что физическая любовь для моей Лоры с годами стала означать гораздо больше, чем в первые недели замужества. Присутствие Горы мешало мне сосредоточиться на зрелище, наполовину скрытому темнотой (серо-розовые

от скудости света, проникающего через дверной проем, скомканные простыни, согнутое белое колено Лоры, темное пятно разметавшихся по подушке волос...), я даже не возбудился. Больше того, я разозлился на него, я яростно взревновал Лору к этому хлюпику, к этому костлявому и носатому парню, которому было так многое позволено в этой жизни в отличие от меня...

Что произошло потом, ужаснуло меня уже не столько цинизмом, сколько извращенностью. Успокоившись, Лора, уложив свою голову на плечо мужа, тихо сказала:

– Я же говорила тебе, что от моего тела не убудет... Ты отлично знаешь этого Давида... Видишь, как все славно получается – он влюблен в меня, у него много денег, глядишь, накопим и купим спальню... Я, помнишь, тебе показывала? Такая широкая кровать, огромный шкаф, комод с большим зеркалом... Моя мечта...

– Это я все понимаю... – промямлил Гора, глядя в потолок. – Но могут же узнать... Мать моя хорошо с ним знакома.

– Да она сама бы так поступила, если бы запахло такими деньгами... К тому же, знаешь, он почти ничего не может... Все происходит быстро, да и он сам постоянно куда-то спешит... К тому же он нежный... не бьет...

И тут она поняла, что совершила промах, но быстро собралась и продолжила уже в свойственной ей агрессивно-нападательской манере:

– А ты что же, хочешь, чтобы я пошла работать куда-нибудь секретаршей, получала бы копейки, и мы бы всю жизнь спали на продавленной тахте? Гора, ну, подумай сам! Кроме того, ты не должен думать, будто бы только мы так живем. Так многие живут. Кто как может, так и зарабатывает...

– Тогда пообещай мне, что не пойдешь больше в «Европу»...

Я чуть не рухнул, услышав такое. Получается, что муж знал обо всех ее похождениях. Я даже представил себе, каким образом она ему обо всем рассказывала: входила в роль жертвы, выставляла себя несчастной и

обделенной жизненными благами, останавливалась на подробностях, чтобы, унижая Гору как бы ненароком, одновременно заставить его еще больше любить ее, дорожить ею и, как это ни странно, жалеть ее, бедную-несчастную.

О, это была страшная игра, и возможна она была исключительно с таким мягкотелым, безвольным и никчемным мужчинкой, каким был Гора. Будь у нее муж нормальных взглядов, убил бы ее сразу же или выгнал, в любом случае расстался бы. При Горе же можно было без зазрения совести развлекаться на стороне, блудить, зарабатывая при этом, да еще и не трудиться скрывать свои многочисленные романы. Больше того, только такой муж, как Гора, был способен на то, чтобы в постели с женой обсуждать, на что они потратят заработанное ею: на шкаф или золотое колечко для Лоры...

Вишнякову я рассказал о семейной жизни Лоры буквально в двух словах: когда в семье не было денег, Лора встречалась с другими мужчинами, которые давали ей денег... У Льва Григорьевича брови поползли вверх. Он посмотрел на меня с недоверием.

– Какая интересная семья... И что муж?

– Муж таким образом расписывался в своем бессилии... – пожал я плечами. – У Лоры был еще любовник, его зовут Виктор, Вик. Это отдельная история...

6

Вик появился в ее жизни неожиданно. Первые месяцы брака были настоящим испытанием для Лоры. Практически каждый день она, бросив мужа, покидала маленькую квартирку возле городского парка и возвращалась в родительский дом. Она долгое время не могла привыкнуть жить без мамы, без ее опеки, без всего того бытового и налаженного, что составляло ее жизнь до замужества. С трудом она постигала истину, заключающуюся в том, что, помимо любви и нежности, которые она ожидала от брака, существует еще и бытовая сторона и что ей где-то нужно найти в себе душевные силы, чтобы наладить маленькое хозяйство, обзавестись всем необходимым и, главное, чтобы все это не отравило

любовь. Малейшая грубость (даже не грубость, а недопонимание Горы и его просчеты) вызывала в ней бурную реакцию: собрав самое необходимое (как правило, это была косметика и пижама), она с гордо поднятой головой возвращалась к родителям и, уже оказавшись в родных стенах, давала волю своим чувствам. Мама относилась к этому спокойно, говорила, что все это – временные трудности, что она привыкнет к новой своей жизни, что, главное, Гора любит ее, а все остальное сложится само собой. Однако все складывалось трудно и долго, и Лора никак не могла смириться с тем, что в ее жизни теперь многое зависит исключительно от нее самой. Дело было не в том, что она ничего не умела. Ей хотелось продлить тот романтический период любви, который предшествовал самому браку. Ее избранник, оказывается, иногда забывал смывать в унитазе, еще у него объявилось слишком много, по мнению Лоры, нехороших привычек, сильно раздражавших ее. Так, к примеру, он подолгу искал домашние тапочки, оставлял в раковине грязную посуду, выкладывал в тарелку с пельменями всю имевшуюся в доме сметану, слишком толсто резал колбасу, курил в туалете, оставляя после себя полную банку с окурками и ужасающий запах, орудовал мухобойкой и не трудился убрать мертвых насекомых, оставлял где попало комочки грязных носков, не брил волосы под мышками, покупал слишком дорогой шампунь от перхоти, не мыл ноги на ночь, не любил молоко, любил в салат с огурцами и помидорами добавлять вареные яйца...

Все это я узнавал постепенно, подслушивая через приоткрытую дверь длинные монологи Лоры, когда они разговаривали с матерью. Как я понимал ее!!! Поэтому и не удивился, когда понял, что в ее жизни появился новый романтический герой – Виктор. Непонятно, где работающий, пишущий стихи, маленькие новеллы, рассказы, театральные рецензии... Он снимал крошечную квартирку неподалеку от кладбища и заинтриговал мою девочку в первый раз как раз страшными историями про оживших покойников – Лору хлебом не корми, поговори с ней о страшном... Его рассказ плавно перешел к творчеству Эдгара По и Вилье де Лиль Адану. Поначалу их встречи проходили в его квартире за стаканом вина или чашкой кофе. Когда же Вик подарил Лоре серебряное кольцо, Лора восприняла это как знак любви и они стали любовниками. Жизнь ее мгновенно наполнилась новым смыслом – ей доставляло жгучее удовольствие скрывать свою связь, и семейная жизнь окрасилась в интригующие, полные тайн краски. И теперь, стоило Горе даже слегка расстроить ее, она сразу же мчалась к Вику за утешением, за лаской, за возмездием. Теперь она чаще улыбалась и даже хозяйственными делами занималась с удовольствием, каждый раз предвкушая новую встречу с интересным ей Виком. Возможно, любовь к нему и его любовь к ней открыли ей нечто новое, и эта игра в разнообразие так поглотила ее, что она

и не заметила, как стала проводить время с обоими своими мужчинами примерно поровну. Родители сразу заметили перемену в дочери, и Лора, набравшись храбрости, призналась во всем матери – ей просто необходим был человек, который мог бы ее прикрыть в случае, если Гора начнет ее искать. Вторым человеком стала Глафира, отчасти жившая интересами своей самой близкой подруги. И, наконец, третьим человеком, кому она поведала о существовании любовника, стал Гора.

Мне «повезло» – я стал свидетелем короткой, но бурной сцены, которую Лора закатила своему мужу, случайно услышавшему ее воркование по телефону. Он выхватил у нее телефон и попытался узнать номер того, с кем его жена говорила так нежно, договариваясь о встрече, и тут Лора низким голосом, с хрипотцой, заявила:

– Если ты еще раз только посмеешь так грубо схватить меня за руку или вообще будешь вести себя подобным, недопустимым образом, то горько пожалеешь об этом... С этим парнем у меня пока ничего нет, но это только пока, ты понял меня? Может, я и замужем, но не в тюрьме, и вольна разговаривать по телефону, с кем захочу... К тому же мне, как женщине, свойственно флиртовать...

Гора попытался заявить свои права на нее, он-де ее муж, а не стенка и что он не позволит своей жене флиртовать по телефону с другим. Но потом как-то осекся.

– А как ты отнесешься к тому, если вдруг у меня появится подобная знакомая, с которой я буду вот так же нежно разговаривать по телефону? – спросил он убитым голосом, словно заранее зная ответ.

– Да никак... – фыркнула она. – Знаешь, Гора, мне иногда кажется, что я разлюбила тебя... Возможно, нам не следовало жить семьей, понимаешь? Мы многое утратили... Хотя, может, это мое заблуждение, и если я расстанусь с тобой, то никогда себе этого не прощу. Я пока еще сама себя не поняла...

Она нажала на самое больное место мужа – страх потерять ее. И я сразу понял, что она его не любит. И что она жестока.

– Как-то странно мы с тобой живем, ты не находишь?

– Почему странно?

– Как-то не по-настоящему, что ли... Может, я еще не созрела для семьи? Мне и детей пока не хочется, да и сил моральных нет. Возможно, во мне играет инфантилизм...

Но я-то знал, что в ней играют переполнявшие ее желания, что ей важно разобраться, что для нее главное – когда любит она или когда любят ее. К тому же она уже успела вкусить сладость своей власти над мужчиной. Эти опасные игры сначала забавляли ее, а потом стали образом жизни. Мне было трудно говорить об этом с человеком посторонним, однако для того, чтобы понять ее жизнь и ту степень цинизма, которая очень скоро стала нормой ее отношений с мужчинами, я должен был это сделать.

– Что же это, она напрямую заявила мужу, что у нее есть любовник? – усмехнулся Лев Григорьевич. – И после всего, что вы мне рассказали, вам кажется, что ее муж способен на такой серьезный поступок, как убийство?

– Гора – человек с неуравновешенной психикой. Несколько раз он пытался отравиться, но всякий раз его спасали.

– А он не пробовал жить без нее?

– Он не мог без нее жить, но и с ней ему было жить невозможно. Поэтому-то я и допускаю, что в какой-то момент он решил, что убить ее – единственно верное решение.

– Он состоит на учете в психдиспансере? Или же все эти попытки покончить жизнь самоубийством не афишировались, «Скорая» помощь не вызывалась?

– Думаю, что он просто пугал Лору и своих близких, чтобы привлечь к себе внимание и дать всем понять, как же он ее любит... Он шантажировал ее таким образом, чтобы она не бросила его... Он так и не понял, что она никогда бы его не бросила по очень простой причине – он был нужен ей, это ничтожество! – воскликнул я в сердцах. – Ради постоянного чувства превосходства.

– Думаете, он способен на убийство, этот молодой человек? – У Вишнякова была способность называть вещи своими именами, он все облакал в простые, емкие слова.

– Думаю, что да, иначе я не предложил вам заняться этим делом.

Он посмотрел на меня с недоверием.

– А что этот... любовник, Вик?

– Он примерно такого же плана, только более экзальтированный, что ли... Думаю, он был бы неплохим актером.

– И тоже пытался покончить с собой?

– Да. Он разбил машину друга, врезавшись в столб...

– Представляю, как же вас раздражали эти парни... – Лев Григорьевич, склонив голову набок, уставился на обтянутый кожей руль. – Хорошо, я займусь вашим делом. Но никаких гарантий, как вы сами понимаете.

– А что будет со мной, ведь я же сбежал...

– Если не вы убили вашу соседку, то вам нечего бояться... – успокоил он меня. – А пока что я вам скажу вот что. Убийца вошел в ее квартиру либо с улицы, и тогда получается, что Лора сама открыла ему, либо же у него был свой ключ, поскольку следов взлома нет. Или же, как это ни странно, через вашу потайную дверь, то есть со стороны вашей квартиры. Скажите, Михаэль, действительно ли никто не знал о существовании этой двери?

– Говорю же, только прежние жильцы.

– А мимо вас никто не мог пройти, чтобы проникнуть в квартиру Ступниковых и пустить пулю в Лору?

– Я был дома, сидел за компьютером.

- Вы живете один?

- Да.

- У вас нет ни жены, ни подруги, ни проходящей любовницы или домработницы?

- Сейчас нет. Раньше, конечно, я приводил к себе женщин, но, поверьте, им не было смысла убивать Лору - это были случайные связи, и там не пахло любовью... Вы понимаете меня?

- Понимаю. Скажите, где я вас могу найти?

- Я живу здесь, неподалеку... - У меня язык не поворачивался произнести название деревни, где я скрывался.

- Думаю, что вы живете в Синеньких. Я был знаком с вашим отцом, Михаэль, и даже был несколько раз у вас в гостях... Просто вы меня не помните... Ваш отец жил тогда с одной очаровательной женщиной... Сейчас она живет в Валенсии, мы время от времени перезваниваемся...

Я похолодел. Неужели он был знаком с Маргаритой?

- Я знаю, где находится ее дом... - улыбнулся мне Вишняков одними губами. - И будьте спокойны, Михаэль, ни одна душа не узнает, где вы.

- Но вы-то узнали...

- У меня работа такая. - Он сощурил свои холодные серые глаза. - Вот только никак не могу понять: если в нее стреляли с близкого расстояния, я имею в виду ее квартиру с небольшими комнатами... то почему же убийца промазал и прострелил ей сонную артерию? Он что, дал ей надежду на спасение или просто настолько был не в себе, что дрожал и пальнул мимо виска, в который целился... Никогда мне не понять этих убийц...

Пообещав держать меня в курсе дела, Вишняков уехал, а я вернулся в Синенькие.

Чувство, что я предал Лору, рассказав о ней постороннему человеку, не покидало меня весь вечер. По сути, я вывернул наизнанку ее нижнее белье, показывая все неприглядные стороны, и долго еще не мог успокоиться, страдая от полного бессилия. Что я мог еще сделать для Лоры? Конечно, начало было положено, я нанял частного детектива, который обещал мне помочь найти ее убийцу. Но мне казалось этого мало. Мне хотелось как-то действовать самому. Однако передвигаться на моей машине, которая тоже наверняка находилась в розыске, было опасно. Возвращаться же в город, чтобы встречаться с подозреваемыми мною Горой и Виком, на автобусах было уж совсем глупо. Мне нужна была машина.

Когда совсем стемнело и дом наполнили длинные, переплетенные, как ветви диковинных деревьев, тени (это терзал темноту тусклый и единственный на всю улицу фонарь, расположенный как раз неподалеку от дома), мне стало уж совсем невмоготу. Я бродил из комнаты в комнату, пытаюсь уловить запах духов Лоры, представить себе, где, в какой из комнат она принимала своих любовников, что говорила им она, что они говорили ей, и иногда мне казалось, что я слышу ее хриловатый гортанный смех, свойственную ей издевательскую интонацию, полную презрения ко всему, что ее окружало, особенно, конечно, к тем, кто соглашался переспать с ней за деньги. Она никак не могла взять в толк, почему мужчины не платят ей просто за то, что она есть, за возможность видеть ее, любоваться ее красотой, держать ее за руку, разговаривать с ней. Откуда я это знал? Да она постоянно говорила об этом с Глафирой.

Надо сказать, что Глафира, в отличие от активной, деятельной, с фантазиями Лоры, была довольно-таки приземленной девушкой и зарабатывала деньги принципиально другим путем, нежели ее подружка, – Глафира была бухгалтером средней руки со средней зарплатой и средним уровнем жизни. Когда-то она была замужем, родила дочку, но потом развелась, девочку отдала на воспитание своей матери, живущей в деревне, сама же, сняв недорогую однокомнатную квартиру в соседнем со Ступниковыми доме, вела скучную однообразную, лишенную каких бы то ни было эмоциональных всплесков жизнь. Думаю, что она какое-то время жила интересами Лоры, наблюдая за ее жизнью и радуясь тому, что у нее, тихой и нерешительной, есть возможность каким-то образом быть причастной ко всем ее авантюрам, мысленно примеряя на себя не только ее наряды, но ее любовников... Что же касается Горы, то здесь Глафира не выдержала и однажды, пожалев его, переусердствовала...

Оказывается, я уснул. Не раздеваясь, в кресле. И проснулся, чувствуя, что в доме я не один. Сказать, что у меня волосы на голове зашевелились – это не сказать ничего. Они у меня от страха просто встали дыбом! Я отлично знал, что запер дом. Неужели воры пробрались в дом через чердак или окно? Окна... Ну, конечно, я не запер окно в кухне и спальне, мне нравился свежий воздух, смешанный с запахом дыма и близкой речной воды.

Я вскочил, включил свет и схватил первое, что попало мне под руку: каминную кочергу! А что было делать?

Огляделся. В гостиной никого не было. Отворил дверь в спальню – тоже никого. Тогда я медленным шагом направился в кухню. Так и есть, окно распахнуто, занавеска шевелится так, словно ее кто-то потревожил, словно в саду кто-то есть...

– Эй, кто там? – спросил я осипшим от страха голосом. Не могу сказать, что я трус, ведь я и раньше сколько раз ночевал в этом доме один, и один Бог знает, что мне только не мерещилось. Но сейчас все было по-другому. Сейчас вокруг меня дышала смерть, смерть Лоры, она, ледяная, дула мне в затылок холодом и хохотала надо мной и моим желанием хотя бы мысленно воскресить мою девочку...

Я включил свет и был просто потрясен, увидев на широком подоконнике сверток. Оранжевый с черным полиэтиленовый пакет. Что в нем? Я приблизился, и мне показалось, что откуда-то потянуло вкусным запахом чеснока и чего-то теплого, жареного. Может, соседи решили подкормить меня? Как бы не так! Я редко общался с соседями Маргариты, зная, что люди они все непростые, что все больше крупные чиновники, судьи, прокуроры... Возможно, где-то совсем рядом со мной спит тревожным сном какой-нибудь прокурор, занимающийся как раз делом об убийстве Лоры. Спит и в ус себе не дует, даже не догадывается, что я здесь, близко...

Я развернул сверток и увидел в нем еще один, серебряный. Вся мистификация оказалась не чем иным, как завернутой в фольгу теплой жареной курицей. Конечно, мне было приятно, что кто-то обо мне позаботился. Но кто? Такую вкусную курицу готовила Лора. Она вообще отлично готовила. Никогда не пользовалась новомодной бытовой техникой, все делала вручную, как бы шутя, но еда получалась у нее просто фантастическая...

В пакете было что-то еще. И когда я увидел это, сердце мое забилося вдвое быстрее. Это был телефон. Мобильник. Кажется, даже новая, вполне приличная Nokia, причем в комплекте с зарядным устройством. Телефон был включен, заряжен, мне оставалось только воспользоваться им, чтобы позвонить друзьям и попросить о помощи, в частности, одолжить мне машину. Не понимая еще, кого мне благодарить за столь своевременный и щедрый подарок, я сразу же принялся за дело. Достал из своего телефона сим-карту, вложил туда «симку» с чужого телефона, и таким образом в моем телефоне были сохранены номера телефонов моих друзей, а сама, родная, вынутая «симка» уже не представляла собой никакой опасности. Я даже подумал, что мой доброжелатель мог бы просто одолжить мне новую сим-карту... Я понимал, что мне надо бы хорошенько подумать, кто бы это мог так своевременно помочь мне, но мой рациональный ум был сейчас занят другим: как можно скорее воспользоваться ситуацией и дозвониться до моего брата Павла. Он хоть и занятой человек, у него семья, трое маленьких детей, но тем не менее Павел – один из самых надежных людей в мире.

Я волновался, очень волновался. Была ночь, семья моего брата спала, это я знал точно. И мой звонок наделает много шума и много вопросов со стороны Клары, жены Павла. К тому же они уже могли знать о том, что меня ищут.

И тут мне стало нехорошо... Да, я обезопасил свой телефон, но кто знает, может, мне кто-то подсунил телефон, чтобы вычислить меня? И сразу же я понял, что мозги отказываются работать, что я за эти сутки просто поглупел... Если кто-то и хотел бы, чтобы меня нашли, то зачем подсовывать телефон? Достаточно позвонить, куда нужно, и сообщить о моем местонахождении...

– Паша? Это я. Меня ищут.

– Михаэль, здорово! – услышал я сонный, но радостный голос моего брата. – Ты где?

– Меня ищут...

– Кто?

– Как, разве к вам еще не приходили? Паша, тебя сейчас никто не слышит?

- Нет... А кто должен был ко мне прийти?

- Потом расскажу. Ты ведь знаешь, где находится дом Маргариты... Паша, мне срочно нужна машина. Ты не мог бы приехать сюда прямо сейчас? Мне очень, очень нужна твоя помощь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/danilova_anna/serdce-himery

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)